DOI: 10.17117/na.2015.12.03.363

<http://ucom.ru/doc/na.2015.12.03.363.pdf>

Поступила (Received): 23.12.2015

Карташова Е.П., Михеев А.А. Соотношение прецедентности и интертекстуальности в классическом эпистолярном наследии XIX в.

Kartashova E.P., Miheev A.A.
Precedency and intertextuality in classical epistolary

В данной статье, предназначенной как для профессиональных исследователей творчества А. С. Пушкина, так и для более широкого круга читателей, затрагивается проблема разграничения понятий "интертекстуальность" и "прецедентность", описываются основные точки зрения по вопросу широкой и узкой трактовки понятия "интертекстуальность", анализируется интертекстуальность и прецедентность в эпистолярном наследии А.С. Пушкина

Ключевые слова: прецедентность, интертекстуальность, эпистолярный А.С. Пушкина

In this article, designed for both professional scholars studying Pushkin, and for a wider range of readers, it addresses the issue of delimitation of the concepts of "intertextuality" and "precedency", describes the main points of view on the wide and narrow interpretation of the concept of "intertextuality". It analyzes the intertextuality and the case in the epistolary legacy of Pushkin

Key words: precedency, intertextuality, epistolary of Pushkin

Карташова Елена Павловна

Доктор филологических наук
Марийский государственный университет
г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 1

Kartashova Elena Pavlovna

Doctor of Philological Sciences
Mari state university
Yoshkar-Ola, Lenin sq., 1

Михеев Алексей Анатольевич

Аспирант
Марийский государственный университет
г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 1

Miheev Alexey Anatolievich

Graduate
Mari state university
Yoshkar-Ola, Lenin sq., 1

Впервые термин "интертекстуальность" был введен теоретиком пост-структурализма Ю. Кристевой в 60-х гг.. Для Кристевой текст представляет собой переплетение текстов и кодов, трансформацию других текстов. В широком смысле, по словам самой исследовательницы, это: «социальное целое, рассмотренное как текстуальное целое» [1; 38]. Столь позднее возникновение самого термина вовсе не означает, что прежде интертекстуальности не существовало в художественных текстах, как не значит и того, что прежде проблема интертекстуальности не обсуждалась русскими филологами. Так, Д.С. Лихачев осмыслил влияние предшествующей литературной традиции на средневековую русскую литературу, М.М. Бахтин создал теорию диалогизма художественных текстов,

включавшую диалог произведения предшествующими литературными формами, стандартами жанров, принципами совмещения авторского и "чужого" слова [2; 56]. Современное развитие теории интертекстуальности характеризуется возникновением множества дискуссионных вопросов, которые до сих пор актуальны и продолжают обсуждаться в научной литературе. Прежде всего, колоссальное разнообразие размеров, форм и функций интертекстуальных вкраплений осложняет их номинацию и классификацию, обуславливает многообразие трактовок понятия. Наиболее значимое разногласие в трактовках проявляется в попытках определить масштаб явления, из чего исходят широкое и узкое представление интертекстуальности. В данном исследовании предлагается разграничить широкую и узкую трактовки интертекстуальности на основании разделения понятий "интертекстуальность" и "прецедентность", где интертекстуальность определяется как литературный прием, включенный автором осознанно и ограниченный рамками текстовой культуры, а прецедентность – как общекультурологический феномен, обусловленный неизбежностью взаимодействия того или иного предмета человеческой культуры с окружающим его широким миром, включаемый автором не только осознанно, но и бессознательно, в силу своих свойств, нередко оказывающийся недоступным для декодирования.

Методологическая основа данного исследования определяется его целью и задачами. Основными методами, использованными в данной работе, являются описательно-аналитический, метод сопоставительного анализа и метод системно-функционального анализа. Задачами является определение источников выявленных элементов интертекстуальности и прецедентности, определение их функций в тексте. Описательно-аналитический метод позволяет выделить из общей структуры текста средства реализации интертекстуальности и прецедентности. Сопоставление выделенного отрезка исследуемого текста с элементами предполагаемого первоисточника позволяет сделать выводы о наличии или отсутствии интертекстуальности и прецедентности. Системно-функциональный метод анализа языковых единиц позволяет обозначить элементы интертекстуальности и прецедентности как составные части целой структуры (всего текста) и определить их функции в ней.

Объектом для анализа соотношения прецедентности и интертекстуальности в данном исследовании является эпистолярный А.С. Пушкина. Для анализа в данной статье используются несколько писем, в числе которых: письмо П.А. Вяземскому (из Царского села в Москву, 27 марта 1816 г.), письмо Н.И. Гнедичу (из Кишинева в Петербург, 27 сентября 1822 г.), письмо П.А. Вяземскому (из Кишинева в Петербург, март 1823 г.), письмо П.А. Вяземскому (из Михайловского в Москву, конец марта – начало апреля 1825 г.), письмо А.А. Дельвигу (из Москвы в Петербург, 2 марта 1827 г. Соотношение прецедентности и интертекстуальности в эпистолярной литературе может иметь иные показатели в сравнении с произведениями художественной литературы. Эпистолярный А.С. Пушкина достаточно богат и разнообразен, до нас дошло свыше восьми сотен писем и записок. География писем весьма широка, Александр Сергеевич пишет из Михайловского, Болдино, Одессы, Петербурга и Москвы, Симбирска, Царского Села, Пскова, Тригорского.

Письма адресованы друзьям, родственникам, жене. Нередко переписке мешала цензура, что беспокоило и раздражало поэта, его письма прочитывались, поэтому многие из них были пересылаемы через доверенных знакомых и друзей, минуя почтовую службу.

В постструктурализме у интертекстуальности появились особые толкования и оттенки значения: сказать что-либо новое невозможно – все уже было сказано ранее. Автор может лишь по новому комбинировать осознанно и неосознанно заимствованные элементы. Исследователь Р. Барт дает следующую формулировку понятию интертекста: «Каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и так далее – все они поглощены текстом и перемешаны в нем, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык» [3; 121]. Р. Барт отмечал, что «как необходимое предварительное условие для любого текста интертекстуальность не может быть сведена к проблеме источников и влияний: она представляет собой общее поле анонимных формул, происхождение которых редко можно обнаружить, бессознательных или автоматических цитат, даваемых без кавычек» [3; 122]. Одно из самых смелых утверждений принадлежит семиотику и литературоведу Шарлю Гривелю: «Нет текста, кроме интертекста» [4; 103]. Схожую сущность имеет понятие "письма", которое занимает ключевое место в работе Жака Деррида "О грамматологии" [5; 98-114]. Представленная в книге новая философия языка рассматривает "письмо" как постоянно развертывающийся процесс, который не знает ни начала, ни конца, ни дискретных фаз и состояний. Любое новое высказывание вписывается поверх предыдущих, как палимпсест. Такое "переписывание" суть единственная форма существования языка, не существует и никогда не существовало ни как древнейшей исходной точки, ни как теоретического идеала никакого первоначального состояния, которое не являлось бы палимпсестом, наложившимся поверх чего-то другого. Явление интертекстуальности становится единым механизмом порождения текста, неразрывно сплетается с положением "мир есть текст". Согласно ему, весь мир культуры рассматривается как цельный текст, включенный в бытие, т.е. единый интертекст. Все существующие тексты одновременно имеют в своей основе единый пратекст (весь культурный контекст) и сами в свою очередь становятся интертекстами, являясь произведениями культуры. В таком понимании тексту любого автора полностью отказывается в праве на оригинальность художественного слова. Подобная трактовка ставит под сомнение и саму возможность исследовать интертекстуальность в том или ином произведении.

Любопытной представляется точка зрения А.И.Горшкова. В работе «Русская стилистика: стилистика текста и функциональная стилистика» исследователь следующим образом определяет понятие межтекстовых связей: «межтекстовые связи – это содержащиеся в том или ином конкретном тексте выраженные с помощью определенных словесных приёмов отсылки к другому конкретному тексту (или к другим конкретным текстам)» [6; 72]. Учитывая тот факт,

что в переводе с латыни «inter» означает «между», что, в свою очередь, приводит к представлению о тождественности понятий межтекстовых и интертекстуальных связей, А. И. Горшков строго разграничивает эти понятия. Исследователь отмечает обобщенность и размытость понятия «интертекстуальность» в работах постструктуралистов: «Текст стал обозначать здесь всё вообще и ничего в частности, так "интертекстуальность" быстро превратилась в некую всеобъемлющую категорию, поскольку каждый "текст" стал рассматриваться не как связанный с другими "текстами", а как состоящий из элементов других "текстов", ранее созданных, и сам выступающий источником таких элементов для "текстов", которые созданы или будут созданы после него» [6; 74].

Как утверждают исследователи, текст, используемый и интерпретируемый не в прямом его смысле, а в качестве «средства символизации, вне связи с содержанием "пратекста", становится прецедентным» [7; 264]. По мысли исследователя Ю. Караулова, «прецедентный текст – это законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности». Исследователи также отмечают, что: «Прецедентный текст – это текст, имеющий сверхличностный характер, хорошо известный окружению автора, включая его предшественников и современников» [8; 34]. Понятие прецедентности закрепилось в научной литературе с наиболее широкой трактовкой. Если к формам интертекстуальных связей все чаще стали относить конкретные отсылки в одном тексте к другому, ранее написанному тексту (аллюзии, реминисценции, цитаты и т.д.), то в разряд прецедентных феноменов включаются заимствования не только элемента содержания собственно текста, но выделяются также и такие разновидности, как "прецедентный жанр", "прецедентная ситуация", "прецедентный топоним", "прецедентное имя", "прецедентный образ", "прецедентный оним" и даже целый "прецедентный мир". Источниками прецедентности становятся не только продукты собственно текстовой культуры, но и более широкого мира человеческой культуры, включая устное народное творчество, лозунги, рекламу, образы исторических личностей и исторические события и т.д. Следуя сложившейся тенденции, целесообразно разграничить понятия прецедентности и интертекстуальности на основании источника заимствования и формы. Если прецедентность охватывает широкий спектр форм заимствования, включающий заимствования жанра, образа, топонима и т.д., а также разнообразие источников, то интертекстуальность строго ограничивается взаимосвязью между конкретными текстами, а источником заимствования является исключительно предмет текстовой культуры. Если прецедентность не всегда осознается самим автором, то интертекстуальность всегда осознана и выполняет те конкретные художественные функции, которые возлагает на нее писатель. Таким образом, если прецедентность является "феноменом", интертекстуальность ближе к понятию литературного приема.

В изученном эпистолярии А.С. Пушкина наблюдается заметное преобладание прецедентных феноменов над элементами интертекстуальности. Это обусловлено, прежде всего, жанровой спецификой. Личная переписка пестрит упоминаниями событий, людей, предметов, мест, названий так или иначе связанных с собеседниками и знакомых им.

В качестве примера прецедентного феномена можно привести цитату из письма П.А. Вяземскому (из Царского села в Москву, 27 марта 1816 г.) [9; 68]: "Признаюсь, что одна только надежда получить из Москвы русские стихи Шапеля и Буало могла победить благословенную мою леность". П.А. Вяземский (1792–1878) – князь, друг А.С. Пушкина, поэт и критик, который сформировался в русле "карамзинского" направления. Здесь под "русскими стихами Шапеля и Буало" имеются в виду стихи самого Вяземского. По мысли Пушкина, Вяземский был близок этим французским поэтам характером своего творчества. Данный прецедентный феномен использован для создания иронического оттенка. Следующая цитата из того же письма: "Безбожно молодого человека держать взаперти и не позволять ему участвовать даже и в невинном удовольствии погребать покойную Академию и Беседу губителей российского слова". Любопытным представляется упоминание некоего ритуала молодых людей, очевидно, круга друзей А.С. Пушкина: "невинное удовольствие погребать". Здесь речь идет о заседаниях «Арзамаса» – общества литераторов, который был основан в 1815 г. так называемыми «карамзинистами» в противовес другому обществу литераторов, «Беседе любителей русского слова», члены которой в подавляющем большинстве были последователями русского классицизма XVIII в. На заседаниях «Арзамаса» все новые члены произносили шуточные погребальные речи членам Российской академии и «Беседы» и затем получали шуточные прозвища, которые заимствовались преимущественно из баллад В.А. Жуковского. Так, к примеру, «Асмодей» – стало прозвищем самого Вяземского. В конце следующего письма П.А. Вяземскому (из Кишенева в Петербург, март 1823 г.) [9; 128], А.С. Пушкин подписывается в конце своим прозвищем "Сверчок", которое также имеет "арзамасские" корни. В другом письме к Вяземскому (из Михайловского в Москву, конец марта – начало апреля 1825 г.) [9; 146] мы можем видеть следующие строки: "А между тем будь мне благодарен – отроду ни для кого ничего не переписывал, даже для Голицыной – из сего следует, что я в тебя влюблен, как кюхельбекерский Державин в Суворова". Здесь, по всей видимости, отсылка к стихотворению Вильгельма Кюхельбекера "Ермолову", написанному им четырьмя годами ранее. Ниже мы приводим четвертую строфу этого стихотворения [11; 97]:

"Так пел, в Суворова влюблен,
Бард дивный, исполин Державин;
Не только бранью Сципион,
Он дружбой песнопевца славен:
Единый лавр на их главах,
Героя и певца равно бессмертен прах!"

Упомянутая в письме Е.И. Голицына – предмет увлечения А.С. Пушкина во время его пребывания в Петербурге. Иронически сопоставляя себя и Вяземского с героями стихотворения В. Кюхельбекера, Пушкин называет себя "певцом", а адресата, П.А. Вяземского, "своим героем". Следующая цитата из того же письма: "я было на Полевого очень ошетинился за «Невский альманах» и за пародию Жуковского. Но теперь с ним помирился." В 20-х гг. Вяземский поддерживал журнал Н.А. Полевого "Московский телеграф". Пародия Полевого на произведение

"Сельское кладбище" Жуковского ("Книжная лавка") была напечатана в "Невском альманахе на 1825 год". Пушкин, который в молодости и сам писал несколько пародий на Жуковского, в это время к пародированию стиля Жуковского относился отрицательно, как к проявлению дурного или архаического вкуса.

Как прежде упоминалось, интертекстуальность в письмах представлена беднее, нежели прецедентность. Интертекстуальность – это прежде всего литературный прием, художественное средство, включенное в композицию литературного произведения для реализации тех или иных художественных функций (характер использования интертекстуальности в художественных произведениях А.С. Пушкина анализировался нами прежде). Письму, которое зачастую имеет сугубо бытовой или деловой характер, более свойственна ограниченность в использовании художественных средств, нейтральный стиль повествования. Однако, как поэт, мастер изящной словесности, А.С. Пушкин все же не избегает использования в общении со своими друзьями, близкими и знакомыми и художественной составляющей, придавая письму характер небольшого произведения, по своей форме напоминающего небольшие заметки. В частности, в письмах Пушкина находится место и интертекстуальным элементам. В письме П.А. Вяземскому (Из Царского села в Москву, 27 марта 1816 г.) [9; 68] мы можем встретить следующие строки: "Безбожно молодого человека держать взаперти и не позволять ему участвовать даже и в невинном удовольствии погребать покойную Академию и Беседу губителей русского слова. Но делать нечего,

Не всем быть можно в равной доле, И жребий с жребием не схож."

Первый стих – это не совсем точная цитата из послания Вяземского к Д.В. Давыдову ("К партизану-поэту") [12; 102]:

"Пусть генеральских эполетов
Не вижу на плечах твоих,
От коих часто поневоле
Вздыхаются плеча других;
Не все быть могут в равной доле
И жребий с жребием не схож!"

Используемый в шутовском тоне интертекстуальный элемент завершает шутовскую же жалобу на судьбу молодого человека, поневоле оказавшемуся заточенным в провинции далеко от своих друзей. В данном случае интертекстуальность используется в тексте письма с иронической функцией.

В письме Пушкина к Н.И. Гнедичу (из Кишенева в Петербург, 27 сентября 1822 г.) [9; 124] мы сталкиваемся с интертекстуальным элементом, источником заимствования для которого снова является творчество П.А. Вяземского ("В.А. Жуковскому"): "Перевод Жуковского est un tour de force (представляет собой чудо мастерства – прим. автора). Злодей! в бореньях с трудностью силач необычайный!". В оригинальном стихотворении Вяземского [12; 119]:

"О ты, который нам явить с успехом мог
И своенравный ум и беспорочный слог,
В боренье с трудностью силач необычайный,
Не тайн поэзии, но стихотворства тайны,

Жуковский! от тебя хочу просить давно."

Здесь, используя стихи Вяземского в весьма характерном для А.С. Пушкина шутливо-ироничном тоне, поэт одобрительно высказывается о таланте своего друга В.А. Жуковского.

Письмо к П.А. Вяземскому (из Кишенева в Москву, март 1823 г.) [9; 131] завершает следующий стих: "...барахтаюсь в грязи молдавской, черт знает когда выкарабкаюсь. Ты – барахтайся в грязи отечественной и думай:

Отечества и грязь сладка нам и приятна."

Данная строчка является пародией на слова Державина в его стихотворении "Арфа" [13; 65]:

"Отечества и дым нам сладок и приятен".

Данный интертекстуальный элемент, с заменой оригинального существительного "дым" в оригинале на "грязь", вновь имеет выраженный иронический характер.

В письме к А.А. Дельвигу (из Москвы в Петербург, 2 марта 1827 г.) мы встречаем измененные стихи из басни И.И. Хемницера "Метафизик": "Я говорю: господа, охота вам из пустого в порожнее переливать – все это хорошо для немцев, пресыщенных уже положительными познаниями, но мы..... – «Московский вестник» сидит в яме и спрашивает: веревка вещь какая? (Впрочем, на этот метафизический вопрос можно бы и отвечать, да НВ). А время вещь такая, которую с никаким «Вестником» не стану я терять. Им же хуже, если они меня не слушают." Приведем отрывки из оригинальной басни [14]:

"Отец с веревкой прибежал,

"Вот, – говорит, – тебе веревка, ухватися

Я потащу тебя, держися".

– "Нет, погоди тащить, скажи мне наперед, –

Понес студент обычный бред –

Веревка вещь какая?"

Отец его был не учен,

Но рассудителен, умен

Вопрос ученый оставляя,

"Веревка – вещь, – ему отвечивал, – такая,

Чтоб ею вытащить, кто в яму попадет".

– "На это б выдумать орудие другое, –

Ученый все свое несет. –

А это что такое!..

Веревка! –вервие простое!"

– "Да время надобно, – отец ему на то. –

А это хоть не ново,

Да благо уж готово".

– "Да время что?.."

– "А время вещь такая,

Которую с глупцом не стану я терять,

Сиди, – сказал отец, – пока приду опять".

Здесь, актуализируя афористический потенциал басни, включив отсылки к ней в текст письма с помощью интертекстуальных вкраплений "веревка вещь какая", "а время вещь какая?", А.С. Пушкин метафорически переносит ее сюжет на сложившуюся в литературных кругах проблемную ситуацию, как и прежде – с ироническим оттенком.

Рассмотренные выше положения позволяют сделать вывод, что многообразие определений понятия "интертекстуальность" и обусловлено многоаспектностью данного явления. На данный момент в научной литературе не существует единого мнения в этих ключевых вопросах теории интертекстуальности и ученые предпочитают пользоваться теми определениями и подходами, которые наиболее соответствуют решаемым задачам в рамках конкретного исследования. В данном исследовании мы предлагаем разделить понятия "прецедентность" и "интертекстуальность", где первое трактуется как общекультурологический феномен, границы которого выходят за рамки взаимосвязи собственно текстов, а второе – как осознанно включенный в композицию текста автором литературный прием, заключающийся в использовании отсылки внутри одного конкретного текста к другому конкретному тексту. Определив методологическую базу для исследования, мы проанализировали интертекстуальность и прецедентность в эпистолярном наследии А.С. Пушкина. Выделив из текста обнаруженные средства реализации интертекстуальности и прецедентности мы сопоставили их с предполагаемыми первоисточниками, на основании чего сделали вывод о наличии интертекстуальности и прецедентности. Проанализировав элементы заимствования как составные части композиции того или иного текста мы определили их функции в контексте. Сопоставив результаты исследования интертекстуальности и прецедентности в эпистолярной А.С. Пушкина с результатами аналогичного анализа его художественных произведений, мы приходим к выводу о том, что особенности использования автором данного литературного приема (интертекстуальность) и характер выявленных прецедентных феноменов различны в зависимости от жанровой специфики. Письма А.С. Пушкина в большей степени насыщены прецедентностью, тогда как интертекстуальные элементы представлены значительно реже. Доля интертекстуальности в литературных произведениях поэта заметно выше, чем в эпистолярной.

Актуальность исследований интертекстуальности и прецедентности в классической литературе основывается на том, что мир, окружавший писателя в предыдущие эпохи и который служил ему источником для заимствования, значительно отличается от того мира, который окружает современного читателя. Следовательно, с каждой новой эпохой все более утрачивается и способность "нового" читателя к декодированию скрытых интенций автора. По этой причине актуальность классической литературы для современного читателя все более утрачивается, "новое" поколение отчуждается от "старой" литературы. То, что читателями, жившими в одну эпоху с автором, обнаруживалось без труда (следовательно, у автора не было никаких причин давать соответствующих пояснений), современному читателю нередко оказывается недоступным. Кроме того, читательский кругозор представителей предыдущих эпох несомненно выше, чем у современного человека, так как популярность литературы

вытесняется современными формами искусства и изобилием развлечений, возникшими в результате научного прогресса, что также уменьшает возможности распознать в изучаемом тексте интертекстуальные отсылки к другим литературным произведениям. Исследование интертекстуальности и прецедентности, дополнение новых изданий художественных произведений соответствующими комментариями способно вновь приблизить современного читателя к литературным текстам предыдущих эпох. Подобные исследования помогут читателям не только лучше понять классический текст, но и позволят увидеть за ним мир, окружавший автора в его эпоху, с помощью литературы отчетливей представлять себе предыдущие этапы жизни общества, сопоставлять ее с современностью, замечать историю.

Список используемых источников:

1. Кристева Ю. Семиотика. М.: Изд-во МГУ, 1970.
2. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975.
3. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1978.
4. Ильин И.П. Постмодернизм: Словарь терминов. М.: Интрада, 2001.
5. Жак Деррида. О грамматологии. М.: Ad Marginem Press, 2000.
6. Горшков А.И. Русская стилистика: стилистика текста и функциональная стилистика. М.: Астрель, 2006.
7. Кураш С.Б., Гринкова О.А. Об интертекстуальности оригинального и переводного текстов // Русский язык: система и функционирование. Минск: БГУ, 2002. Ч. 2.
8. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Как тексты становятся прецедентными. РЯЗР: 1994. №1.
9. Пушкин А.С. Переписка А.С. Пушкина в двух томах. Т. 1. М.: Художественная литература, 1982.
10. Кюхельбекер В.К. Избранные произведения. Ленинград: Советский писатель, 1959.
11. Бондаренко В.В. Вяземский. М.: Молодая гвардия, 2014.
12. Державин Г. Стихотворения. Ленинград: Советский писатель, 1947.
13. URL: <http://www.litmir.co/br/?b=117332>